

СЕГОДНЯ — ДЕНЬ СОВЕТСКОГО КИНО

ГОСТЬ ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЫ

ЖИЗНЬ В ОБРАЗАХ

Так говорит об искусстве гость нашего края известный киноактер, народный артист РСФСР П. П. ГЛЕБОВ.

С ним беседует наш корреспондент Л. Щеглова.

ренная опустошенность и безверие... Знаете, отрицательные роли менее выгодно играть с точки зрения одобрения зрителей. Но они часто творчески интереснее. Ведь на пути такого персонажа препятствий бывает больше — их интересно преодолевать, а в характере столько противоречий, что только подбирай краски...

Таким был я Сальери, в роли которого я снимался в фильме-опере «Моцарт и Сальери». Исполнение ее потребовало много сил и упорства, хотя бы потому, что мне надо было не только «вжиться» в пушкинский текст, оправдать действия своего героя, каждый его поступок, но и сначала оправдать, а потом и полюбить вокальное воплощение образа замечательным советским певцом А. Пироговым — он был моим соавтором роли, исполняя партию Сальери. При этом я как актер был должен донести до зрителей глубочайшие трагические переживания талантливого итальянского композитора-дворянина, снедаемого завистью к гениальному Моцарту. Передать его душевные терзания, распластавшись лишь средствами пластической выразительности, которые находились в полной зависимости от вокальной стороны роли. Интересно было поработать над этим драматическим образом.

— В короткой беседе невозможно охватить все созданные вами в кино образы — их более тридцати. Это и майор Лукин («Балтийское небо»), и кулак Петр Сторожев («Одичалость»), и командующий партизанской армией, участвующей в разгроме Колчака, Петр Шетинкин («Кочующий фронт»), и атаман Федулов («Емельян Пугачев»)... Поэтому расскажите, пожалуйста, о ваших последних работах в кино.

— На днях режиссер С. А. Герасимов завершил съемки картины «Юность Петра I». Замечу, что этого замечательного режиссера, наряду с шолоховскими героями «Тихого Дона», всегда привлекал герой романа А. Толстого «Петр I», его эпоха. И вот первая часть произведения экранизирована. Мне была поручена роль русского мужа, даже по прозвищу Цыган. Материал роли мне близок по духу — этакий колоритный характер. Больше ничего не могу добавить, поскольку фильм еще не вышел на экраны.

Несколько дней назад режиссер И. Бабич начал снимать на Ставрополье фильм «Мужики!». Здесь я буду играть одну из главных ролей: Зубова-старшего, Матвея Егоровича. Фильм об ответственности отцов за судьбы детей, о несостоявшейся любви, о совести, о благородстве и мужестве. Для натуральных съемок выбрано село Татарка. В главной роли снимается артист Московского театра имени Ермоловой Александр Михайлов. Первые съемочные дни состоялись, работа над фильмом началась, время пролетит быстро, поэтому читателям вашей газеты я говорю: до скорой встречи на экране!

— Петр Петрович, ваше появление на экранах страны было внезапным и громким. А ваш Григорий Мелехов сразу же завоевал сердца советских зрителей, а затем совершил поистине победное шествие по экранам многих стран мира. Давайте и начнем нашу беседу с этой актерской работы, вошедшей в золотой фонд советского киноискусства.

— Буду откровенным, мне безумно повезло, что моей первой работой в кино стал этот шолоховский герой. До этого я, играя в драматическом театре имени К. Станиславского, только мечтал о кино. Считал, что средствами киноискусства актер гораздо глубже и полнее может выразить поставленные перед ним задачи в исполнении того или иного характера, в выявлении внутренней жизни образа, в передаче самых разнообразных оттенков чувств, движений души. А позже в этом убедился. Итак, Григорий Мелехов в трехсерийной эпопее «Тихий Дон», поставленной замечательным советским режиссером С. А. Герасимовым... Меня вначале пригласили на эпизодическую роль. В группе белых офицеров я и появился на съемочной площадке в павильоне студии имени М. Горького во время кинопроб, произнес две-три фразы, положенные по тексту, и с этой минуты у режиссера (как он позже рассказывал) зародилась мысль попробовать меня на роль Мелехова. В течение месяца я «пробовался» в разных и по психологии, и по возрасту сценах, режиссер хотел быть убежденным, что сорокалетний актер сумеет сыграть и двадцатилетнего Григория. И я был утверждён на эту роль.

— Мне пришло в голову высказывание С. А. Герасимова о том, что Григорий Мелехов жил в Петре Глебове с детских лет, только нужно было его открыть. Как вы, Петр Петрович, относитесь к этой мысли?

— Вообще, знаете ли, успех кинопроизведения во многом зависит от того, на-

сколько актер по своей натуре, психологическим данным, по своему даже жизненному опыту подходит к воплощаемому им образу. Немало есть тому примеров. Я считаю, что никто не смог бы лучше М. Ульянова сыграть председателя в одноименном фильме. Это тонкий и гибкий актер, но думается, что и опыт его личной жизни позволил через какие-то ассоциации создать этот образ. Я считаю совпадением личности актера с образом его героя и замечательную работу Б. Бабочкина в «Чапаеве». И вот в тех бесконечных пробах, которые я прошел, режиссер прежде всего хотел как бы «раскусить» меня, выявить во мне те качества, которые заложены в характере Григория. Скажу, что в фильме «Тихий Дон» достигнуто счастье в соответствии характеров исполнителей с шолоховскими характерами.

— И в самом деле, когда смотришь этот фильм, несвольно забываешь о том, что ты в кино: это же Григорий Мелехов и его отец Пантелей, Аксинья, Наталья, Дарья — такими мы их и представляли себе, читая роман, — они любят, страдают, ошибаются, ненавидят — это жизнь...

— Именно поэтому, говоря о «Тихом Доне», я неохотно употребляю слова «актерская игра». Не люблю слово «игра». Ибо играть — это в какой-то мере обманывать зрителя. И себя. Искусство же — это все-таки жизнь в образах героев.

— Петр Петрович, что помогало вам «оживаться» в образе донского казака, согласитесь, невзирая на некоторое соответствие характера и темперамента, во многом непохожего на вас? Я имею в виду незнакомый вам уклад жизни казачества тех лет с его особой психологией, языковым колоритом...

— Общение с донскими казаками, колхозниками, которые незримо помогали мне — я слушал их рассказы о быте царского казачества, пел с ними их песни, сидел за одним столом после сенокоса. Постоянно я ощущал

их любовное, трепетное отношение. Все полтора года я прожил в казачьей избе на берегу Дона на хуторе Диченский Ростовской области, где и велись съемки. Я старался сделать быт казаков своим, родным, был неразлучен со своим любимцем, трехлетним донским жеребцом Диктатором. В силу огромной занятости в роли, я даже не переодевался: синие шаровары с лампасами, рубаха, чирюхи... Достоверности воплощения шолоховского героя во многом помогли мои отроческие воспоминания: первые пятнадцать лет своей жизни я провел в русской деревне, где скакал на лошадях со сверстниками в ночное, бегал босиком, косил со старшими клевера, распевал под собственную гармошку песни... Фронты Великой Отечественной войны... Эти четыре года были суровой школой... Формировался характер. Это послужило багажом к будущим работам.

— Как вы относитесь к Григорию Мелехову?

— Я был влюблен в каждое движение души этой незаурядной натуры. Потому что видел абсолютную правду характера неповторимой человеческой личности, пошедшей в водоворот сложнейших социальных потрясений. Григорий правдив, искренен даже в своих заблуждениях. Этот он привлекает. Это сильная, яркая личность. Тем горше и трагичнее ее судьба.

— А Половцев из «Поднятой целины» — еще один шолоховский герой в ряду ваших работ в кино?

— Признаюсь, мне не хотелось играть этого казачьего есаула, хотелось играть Давыдова. Но режиссер убедил меня согласиться на эту роль. Он рассуждал: «Если ты будешь играть этого белокурого петербургского рабочего, то какими же должны быть рядом казаки?» Вчитавшись в роман, я нашел для себя в этом отрицательном образе горячие краски, пусть чуждой мне психологии: затаенная, сдерживаемая ненависть ко всему окружающему, обреченность, внут-